

Светлана Николаевна Шаповалова¹

dasel-sv@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА УДЭГЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТАХ В.К. АРСЕНЬЕВА

Удэгейская культура — важнейшая тема научного творчества В.К. Арсеньева. Собранные за годы исследований ценнейшие сведения дают представление о богатой духовной культуре, космогонии и различных мифологических существах в миропредставлении этого немногочисленного дальневосточного народа. В статье совершается попытка осмысления культурных параллелей между коренными народами Приморья и Амура и народами сопредельных культур. Данная публикация имеет характер обзора произведений устного и изобразительного народного творчества, упоминающихся В.К. Арсеньевым. Автор приводит примеры фольклорных текстов, содержащих образы зооморфных существ. Образы основных зооморфных персонажей, таких как духи-помощники (*сэвэхи*) шамана, железная птица *Куай*, чудовище — змея *Сингму* (*Сунму*), дракон *Мудэля* (маньчж. *Мудури*) и злой дух *Онку*, демонстрируют аналогию с легендарными героями, мифологическими персонажами и космологическими представлениями народов Сибири, Азии и Тихоокеанского региона. Кроме того, автор обращается к стилистике приамурского орнамента, находя в нём схожие черты с местными археологическими культурами. В исследовании предполагается, что, проведя некоторые параллели между сюжетами удэгейского изобразительного и устного творчества, можно раскрыть возможную семантику элементов национального орнамента. Особое внимание уделяется шаманским маскам и головным уборам. Рассматривается одно из предположений их возникновения, способы художественного оформления, семантика, а также некоторые аспекты их функционирования.

Ключевые слова: птица Куай, чудовище Сингму, дух Онку, дракон Мудэля, мифология удэгейской культуры.

Svetlana N. Shapovalova¹

dasel-sv@mail.ru

THE MAIN MYTHOLOGICAL CREATURES OF THE UDEGE CULTURE IN THE ETHNOGRAPHIC WORKS OF V.K. ARSENIIEV

The Udege culture is the most important topic of V.K. Arseniev's scientific creativity. The most valuable information collected over the years of research

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

gives an idea of the rich spiritual culture, cosmogony and various mythological creatures in the world representation of this small Far Eastern people. The article attempts to comprehend the cultural parallels between the indigenous peoples of Primorye and Amur with the peoples of neighboring cultures. This publication has the character of a review of the works of oral and visual folk art that appear in the texts of the works of V.K. Arseniev. The author gives examples of folklore texts containing images of zoomorphic creatures. The images of the main zoomorphic characters, the helper spirits (sevekhi) of the shaman, the iron bird Kuai, the monster — the snake Singmu (Sunmu), the dragon Mudel (Manchu. Muduri) and the evil spirit Onku, demonstrate an analogy with the legendary heroes, mythological characters and cosmological ideas of the peoples of Siberia, Asia and the Pacific. Also, the author refers to the style of the Amur ornament, finding in it similar features with local archaeological cultures. The study assumes that by drawing some parallels between the plots of the Udege visual art and oral art, it is possible to reveal the possible semantic meaning of the elements of the national ornament. Particular attention is paid to shaman masks and headdresses. One of the assumptions of their occurrence, methods of artistic design, semantics of masks, as well as some aspects of their functioning are considered.

Keywords: bird Kuai, monster Singmu, spirit Onku, Mudel dragon, mythology of the Udege culture.

Удэгейская культура являлась важнейшей темой в научном творчестве Владимира Клавдиевича Арсеньева, а собранный в экспедициях этнографический материал содержит ценнейшие сведения о материальной и духовной культуре народов Приморского края и Амура.

Изложенные в работах В.К. Арсеньева несколько наиболее древних космологических мифов удэгейцев дают понимание того, какие основные идеи, мифологические герои и существа бытовали в представлениях этого народа, а также раскрывают семантику некоторых элементов национального орнамента, указывая на сходства в некоторых ключевых аспектах в мировоззрении с другими сопредельными культурами Сибири, Азии и Тихоокеанского региона.

Целью данной работы является осмысление аналогий в миропредставлении носителей культур Приморского края и Амура и сопредельных регионов на основании этнографических работ Владимира Клавдиевича Арсеньева и некоторых других исследователей, а именно: обнаружение сходства в космологических мифах, описании легендарных героев и мифологических персонажей, а также определение семантики элементов национального орнамента.

В первую очередь, затрагивая тему основного космологического мифа удэгейцев о сотворении земли, необходимо обратить внимание, что в его основе лежит миф о потопе и последующем инцесте спасённой пары — брата и сестры. Схожий нарратив распространён у множества народов южного Китая, Юго-Восточной Азии, аборигенов Тайваня и Филиппин, а также у бхиллов в Индии и многих других культур.

Легенда состоит из двух частей. В первой говорится о предках-прародителях — брате и сестре, единственных выживших людях после всемирного потопа. Вторая часть рассказывает о сотворении земли в океане мифологической птицей. В этом предании, в отличие от других вариантов легенд, чудовище *Сингму*², живущее в озере, спасает брата и сестру во время непрекращающихся дождей. О надвигающемся потопе детей предупреждает седой старик *Буам*, совершающий жертвоприношения. Он предостерегает, что земля должна перевернуться в день, когда у нарисованных на лубках вожаков волков из пасти полетят искры. Потоп, сопровождающийся сильным ветром и падением деревьев, заканчивается для брата и сестры в пасти у чудовища *Сингму* с появлением ослепительного света. Они видят, что очутились на маленьком островке среди нескончаемых вод, в центре которого находится одна невысокая сопка.

² «Сингму — большая, толстая, как бревно, амурская змея. В фольклоре: сказочное чудовище, большое и страшное. Передвигается всегда в одиночку. Увидев человека, стремится его поймать и проглотить. Человек, плывущий на бате, при виде сингму должен тотчас убежать на берег. Сингму бывает сухопутный и водный, обитающий в тихой реке или озере с красной водой (в быстрых реках сингму никогда не водится). В тексте в записи В.К. Арсеньева говорится о сингму („Докеня сунмуни“ (букв., „сингму подземного мира“)) как об одном из „страшных зверей“, обитающих в подземном мире. Уд. синму в „Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков“ не отмечено; ср. ороч. симу — пресмыкающееся больших размеров, похожее, по одной версии, на удава, по другой — на крокодила, ульч. пуймул(и), симули — питон, дракон, нег. химну, химу — „чудовище, похожее на сома“» [5, с. 81].

«Сунму — мифический обитатель глухих озёр, напоминающий то ли дракона, то ли „крокодила“. Он злобен, может даже проглотить человека. Представление об этом существе есть у нанайцев (пуймур), негидальцев (химну), орочей (симу). „Сунму — большая змея с двумя головами, люди её боятся“, — писал Арсеньев. И через несколько страниц: „Сунму — большая змея длиною в несколько сажень, которая может жить и в воде, и в сопках, и в лесу. Она людям ничего худо не делает. Её никогда никто не видел; она иногда фигурирует в сказках“. В.А. Аврорин и Е.П. Лебедева опубликовали миф о том, как симу погнался за двумя сёстрами и сожрал одну из них» [5, с. 121].

Прожив на острове несколько лет и повзрослев, сестра предложила брату пожениться. Ему эта идея не понравилась, но тут снова появляется седой старик, который предлагает взять каменные круги мельницы (сестре нижний, брату верхний), отпустить их вниз, каждому в свою сторону, и пожениться в том случае, если камни соединятся у подножия сопки³. Что, собственно, и происходит. Таким образом брат и сестра становятся мужем и женой, а также первопредками многочисленных народов.

Вторая часть мифа рассказывает о расселении людей, родившихся от этого брака. В нём присутствует мифологическая птица *Куай*⁴. По одним легендам, она сотворила землю после её затвердевания, а по другим — переносила в когтях украденную почву с острова, на котором жила седая одноногая женщина (или женщина, стоящая на одной ноге)⁵. Земля эта, выпадая из лап то там,

³ «По мнению В.Т. Кялундзюги, тот факт, что камни, пущенные с вершины сопки в противоположные стороны, у её подножия соединились, свидетельствует о том, что удэгейцы представляли возникшую в океане землю (островок с сопкой) в виде шара» [5, с. 462].

⁴ «В удэгейском тексте: гайв, что в зависимости от контекста означает либо утка, либо большая птица (в отличие от маленькой птички чинда). Поскольку ниже говорится, что гайв „схватила когтями землю“, то очевидно, что речь идёт не об утке, а просто о большой птице. В варианте Б. Можаева эта птица названа Куай (уд. Куви)» [5, с. 462].

«Во второй части предания имеется удэгейский вариант: сказка „Откуда земля появилась“ в записи Б. Можаева. От нашего варианта он отличается тем, что землю в океане создала не просто некая птица (омо гайа — одна птица), а мифическая птица Куай (уд. Куви), сын Эндули (уд. хор.) Эндури — Бог, по заданию своего отца, увидевшего: „что людей народилось так много, что им негде становится жить“» [5, с. 125].

«В сказке „Откуда земля появилась“, записанной у удэгейцев Б. Можаевым, птица Куай является сыном Эндули (Эндури), т.е. сыном Божественного Неба. Эта птица создаёт для людей в первоначальном мировом океане землю» [5, с. 125].

«Сэлэмэ Куви „железная птица“ — букв. „железная птица Куай“. Удэгейское слово куви имеет два значения: 1) „орёл“; 2) огромная мифическая птица Куай. По законам исторической фонетики это слово соответствует ороч. кори — „мифическая железная птица“ (а также орёл), орок. кори — „мифическая птица“, нан. кори — „мифическая птица с железным оперением“. В удэгейском фольклоре птица Куай может быть положительным существом (Чиктэм Куви — „медная птица Куай“) и отрицательным (Сэлэмэ Куви — „железная птица Куай“). Вероятно, эта птица (мифический орёл), наряду с вороном, является мифическим первопредком. Согласно орочскому мифу обеих птиц создал дух скорости Хадау, „когда наша земля начала застывать“» [5, с. 125].

⁵ «*Куай* — иногда Арсеньев писал *куа* — мифическая птица, дух-помощник шамана. Возможно, ороч. *куай*, нан. *кори* — «мифическая птица, дух-помощник шамана» [5, с. 125].

то тут среди океана, разрасталась и образовывала большие острова⁶, на которые впоследствии заселялись люди.

В мифологии удэгейцев присутствуют и другие существа⁷. Некоторые из них явно были заимствованы из соседнего Китая. Среди них, например, бог дождя *Лунге*, дракон *Мудэля* и ещё один одноногий персонаж, описание которого даётся в работах В.К. Арсеньева. «На священном шаманском дереве *Кянгу тун* изображение птицы *Куай* наверху и четыре *севохи* (уд. *сэвэхи* „вместилище духа-помощника“) — три в виде человека, а один одноногий с медвежьей головой» [5, с. 125]. Из описания, существующего в другой работе, можно предположить, что это возможное изображение злого духа *Онку*⁸, который имеет аналогию с японским

«Летела, летела и увидела одну старуху, та стояла одной ногой на малюсеньком островке» [5, с. 462].

«В варианте Б. Можаява говорится об *Ингя-Мама* (уд. *Инна Мама* — „Седая Бабушка“), которая сидела на маленьком островке, накрыв его весь полами своего халата» [5, с. 463].

⁶ «На эти выросшие земли отправились жить дети, каждый со своей женой или мужем. Все эти переселенцы стали себя называть кто удэгейцами, кто китайцами, кто корейцами, кто японцами. Так они возникли каждый на своей земле, все эти дети, рождённые от одного отца и одной матери» [5, с. 463].

⁷ «*Лунге* (уд. *Луниэ*) — дух-хозяин воды, то же, что *Лунгья* (бог воды) у Дж. Кимонко. Уд. *луниэ* — скорее всего, вокативная форма от *луни*, адаптировано к удэгейскому произношению первой части китайского имени *Лунван* — бог дождя. В конце XIX в. печатные изображения *Лунвана*, а также других китайских божеств нередко встречались в удэгейских кумирнях, построенных в тайге по китайскому образцу» [5, с. 423].

«*Мудэля* — дракон (маньчж. *мудури* — „дракон“), владыка водной стихии» [5, с. 121].

«*Докеня сунмуни* — водяное чудовище Нижнего мира» [5, с. 121].

«*Докеня кулигани* — змея Нижнего мира» [5, с. 121].

⁸ «Злой Дух (*амба*) — невидимый дух, причиняющий людям зло; он ловит и убивает людей, приносит им несчастье. *Амба* может приобретать различный облик: медведя (*Биату*), птицы (*амба-гаани* (*амба гйани* „птица — злой дух“), животного (*амба буни* (зверь — злой дух)), человека-людоеда (*Золомчо*, см., человекообразного существа (*Заңдалафу*)), существа похожего на обезьяну, и др. Нередко злой дух вселяется в человека, например в *егдыгу*, и тогда человек начинает действовать как злой дух. По одной из фольклорных версий, для того чтобы избавить такого человека от злого духа, его нужно разрубить вдоль на две половинки, одну из которых (со злым духом) выбросить подальше, и тогда вторая половинка станет хорошим человеком» [5, с. 76].

«В материалах В.К. Арсеньева есть одно произведение, озаглавленное „Заяц — онку буйни“ („Заяц — зверь онку“). Это лишь позволяет предположить, что онку были подвластны звери, а с зайцем у него особые отношения. Характеристики онку, встречающиеся у Владимира Клавдиевича, неоднозначны. По некоторым можно заключить, что онку — опасный дух: „Место, где живет онку, можно узнать сразу. В этих местах на сопке или кричит сова, или ухает филин, или лает собака, или завывает ветер, или кто-нибудь свистит,

злым духом *Они* и китайским царём демонов *Чжун Куй*. В дневниках Арсеньева читаем: «Раньше всех *Онку* (т.е. главнее других духов). Он имеет вид человека, живущего в лесу на высокой горе, средних лет об одной руке и об одной ноге, в руках у него копье и стрелы, пешня, шапка из живого зайца. Это его собака, на шапке снежный ком, лицо красное, покрыт шерстью» [5, с. 114]. Точно такое же описание имеют два популярных персонажа японской и китайской культуры.

Комплект ритуальной атрибутики народов Приморского края и Амура тоже мало отличим от аналогичных наборов сопредельных народов Сибири, Азии и Тихоокеанского региона. В качестве вместилища духов представляется разнообразная культовая скульптура: так называемые идолы-истуканы из дерева, кости, железа в виде антропоморфных фигур⁹ с головой животного или пти-

слышно, как шумят лыжи, или кто рубит топором, пилит пилой или говорит голосом и т.д. Человек, услышавший это, сразу заболевает. Надо скорее делать бивак, из хвороста делать *фуданку* (изображение духа из сухой травы) и гонять его к *онку*. Чем дольше держать в себе злого духа, тем труднее изгнать болезнь“. Иными словами, человек, нарушивший „границу“ и приблизившийся на опасное расстояние к *онку*, получает „звуковое предупреждение“ и вскоре непременно будет наказан (заболеет). В „Словаре комплексном и техническом“ Арсеньев причислил *онку* к злым духам, то же читаем и в путевом дневнике: „Из всех злых духов самый вредный *Онку*“. Но в книге „Лесные люди удэгейцы“ об *онку* говорится: „Людам он никогда не делает зла“. В одном же из более ранних дневников записано: „Например, Бог гор и лесов *Онку*, он живет среди скал в горах. Он начальник всех зверей и лесных птиц. Этого *Онку кекари* (удэ.) представляют себе человеком средних лет“» [5, с. 114].

«В.В. Подмаскин приводит весьма противоречивые сведения об *онку*. Он пишет: „Как полагали удэгейцы, душа человека, убитого медведем, уходила к хозяину медведей (*онку*) и становилась членом его рода...“. И чуть ниже: „Хозяином гор и лесов считался *Онку*, его помощниками были хозяева определённых мест, а также некоторые животные — тигр, медведь, лось, выдра, косатка и другие, которые когда-то для удэгейцев, вероятно, являлись тотемами“. На следующей странице автор разъясняет: „В период охоты удэгейцы всегда обращались к хозяину гор — *Онку*, который мог принимать образ тигра, медведя, соболя или другого животного или птицы, а также мог появиться в виде человека средних лет. Охотники просили у *Онку* помощи в промысле. И так, современные исследователи ненамного продвинулись по сравнению с В.К. Арсеньевым в понимании роли *онку*. Очевидно, что *онку* — могущественный таёжный дух, распоряжавшийся душами животных и способный как помочь охотнику, так и навредить ему. Ср. № 11, где, по-видимому, тоже речь идёт о лесных духах *онку* (*зунку*), способных принимать мужской или женский облик“» [5, с. 115].

⁹ «Древнейшие из сохранившихся до нас антропоморфных леканов имеют вид женщин, что явно связывает их с древними материнскими родами. Таковы гольдские онгоны *джули*, с которыми нужно сопоставить палеолитические женские статуэтки, сделанные из мамонтовой кости или иного материала,

цы, одноногих фигур с крыльями, изделия из соломы, которые после специального ритуала перемещения в них злого духа болезни разрывали на части. Вместилищем духов считаются амулеты¹⁰, сэвэхи¹¹ (духи — помощники шамана), шаманские столбы¹² с изображениями животных, птиц, змей, а также не менее

а также так называемые каменные бабы. Рядом с ними мы имеем более поздние мужские статуэтки, большею частью времён отцовского, патриархального рода. Гольдское слово *джули* собственно означает: хозяин дома. Негидальцы говорили, что это „первый человек, от которого произошли все народы“. По представлениям гольдов, *джули* — это дух-покровитель семьи и рода. Раз изготовленные, всегда из ливеницы или осины, леканы *джули* переходили из рода в род и стояли на наре у среднего столба поперечной стенки вправо от входа. Леканов *джули* в доме часто не один, а два — муж и жена; но оба они изображались с женскими грудями. Таким образом, фигуры *джули* всегда и только женские, и Л.Я. Штернберг справедливо заключает из этого, что первоначально они изображали одних только родоначальниц, т.е. восходят к материнскому роду» [2, с. 132].

¹⁰ «Амулет (уд. *миаванки*; *мяонки* у Арсеньева). „*Мяонки*“ — нечто вроде *севохи* (уд. *сэвэхи* „вместилище духа-помощника“), но малого размера. По указанию шамана они делаются для защиты от разных болезней, но „не ставятся в юрте, а пришиваются к одежде с внутренней стороны“. В отличие от талисмана их, привязав на веревочку, постоянно носят на себе, например на груди. „*Мяонки*“ представляют из себя изображения людей, зверей, птиц, змей, рыб, насекомых, а чаще всего это какие-нибудь отвлечённые предметы: пуля с кусочком красной тряпочки, три шпильки, нашитые на лоскуток кожи, пружина от ружейного замка, зашитая в беличий мех, и т.д. Это может быть также „кость, завернутая в бересту“ или „сердце рыбы в древесных стружках“. Кялундзюга видела *миаванки* в виде пули с обращенным вниз кончиком, который носили на веревочке на груди. „*Мяонки*“ в виде „пули от болезни сердца“ описал в 1911 г. на р. Кусун В.К. Арсеньев: „Пуля изображает сердце, красная тряпочка — легкое. Бусинка не имеет значения. Сделано по совету шамана...“; отлитое из свинца „изображение сердца“ носили „на шнуре на груди против сердца“. По мнению В.Т. Кялундзюги, *миаванки* обозначает амулет, связанный с сердцем (уд. *Миава* — „сердце“). Ср. ульч. *Мевалдаку*, *мевалзакта* — „бурхан“, „божок“ (которого носили на шее от болезни сердца); нан. *миавалдако*» [5, с. 121].

¹¹ «*Сэвэхи* (уд. *сэвэхи*) — фигура в виде человека или животного, в которой пребывает *сэвэ* „дух-помощник“. Функционально *сэвэхи* подразделяются на несколько групп: 1) *сэвэхи*, помогающие при охоте; отправляясь на промысел, их берут с собой, кормят кашей и салом и просят о помощи; в остальное время они хранятся на малу в „балагане“ в особом ящике; 2) *сэвэхи*, помогающие при болезни; их изготавливают в том случае, если кто-то заболел; 3) *сэвэхи* — двойник покойного» [5, с. 395].

¹² «Венчает столб большая металлическая чёрная птица с распростёртыми крыльями. Её Арсеньев называет *куай*, или *куа*. Скорее всего, вид птицы на вершине столба зависел от того, к какому роду принадлежал шаман. Приморские удэгейцы, возможно, именовали её *куа* (перевести это слово нам не удалось: удэ, с которыми мы работали, его не знают)» [5, с. 116].

интересные виды шаманских масок, семантика орнамента которых имеет отношение к культу предков. Результат анализа орнаментальных элементов и связанных с ними легенд говорит об этнокультурном взаимодействии этносов Амура, Сахалина, Японских островов и Китая.

Мотив орнамента складывается из ключевых, условных образов отображения действительности. Самобытный национальный узор, являющийся, по сути, идеографическим письмом и дописменной системой хранения информации, содержит идеи мироздания и обладает священными функциями оберега, заговора или заклинания, семантика орнамента позволяет понять духовную культуру общества (рис. 1).

Традиционный орнамент народов Амура и Приморского края имеет преимущественно спирально-ленточный узор, демонстрируя стилистическое сходство рисунка с малышевской (VI—III тыс. до н.э.) (рис. 2) и вознесенской культурами (III—II тыс. до н.э.) (рис. 2), с петроглифами Сикачи-Аляна (рис. 2), а также с антропоморфными рисунками личин мифических существ в бассейне р. Усури.

«Антропоморфные изображения, маски, напоминают стилизованное изображение головы обезьяны с широкой верхней частью, огромными круглыми глазницами и большим круглым подбородком. В орнаментике нанайцев, ульчей и нивхов можно видеть подобные сильно стилизованные обезьяноподобные личины. Обезьяноподобные спиралевидные личины связывают древние наскальные изображения с современным орнаментальным искусством амурских народов и свидетельствуют об определённой художественной традиции, не прерывавшейся на протяжении многих тысячелетий» [1, с. 49].

Для осмысления семантики традиционного спирального орнамента культур Амура и Приморского края необходимо обратить

«*Чиктам-Куай* — латунная или медная птица; возможно, подразумевается птица, которая венчала *т'у* шаманский столб» [1, с. 125].

«В одном из дневников В.К. Арсеньев записал: „... *Чиктам-Куай*, т.е. *Медный Куай севон Сэндуля*. Птица эта была неуязвимая, только около горла было одно пятно убойное, живое, а то всё медь. Егда вынул стрелу и сказал ей: „Если мне суждено жить, ты, стрела, попади прямо куда надо“. Пустил он стрелу, и она попала в самую середину пятна, упала и подохла“ (т.е. *Сэндуля* победил *Куай*, и она стала его духом-помощником). В другом дневнике Владимир Клавдиевич отмечает, что *Куай* укрепляется на *Тун* и изображает журавля» [5, с. 123].

Рис. 1. Виды национального удэгейского орнамента со спиральными элементами узора

Рис. 2. Виды спирального орнамента: 1 — личины Сикачи-Аляна; 2, 4 — спиральный орнамент мальшевской культуры (VI—III тыс. до н.э.); 3 — изображение богини вознесеновской культуры (III—II тыс. до н.э.)

внимание на декоративное оформление масок шамана и некоторые уточнения, в том числе существующие в работах В.К. Арсеньева. «Более поздним хронологически типом следует считать маски для различных ритуалов в честь священного животного-предка. Антропоморфные маски этого типа, скорее всего, возникли из культа предков и изготавливались ради изображения конкретного умершего человека. Постепенно образ предка усложняется — помимо семейных изображений предков, возникают образы родовых и племенных предков-покровителей. Под влиянием образа предка-человека, происходит процесс антропоморфизации масок, а образ реального животного дополняется сверхъестественным образом его духа-хозяина» [1, с. 49].

Из описания (1913) шапки иманской шаманки: «На голову шаманка надела особую шапку из кожи козули. Шапка была украшена узорами обыкновенного ороцкого (удэгейского) орнамента, и, кроме того, на шапке были нашиты изображения двух змей, вырезанные из жести, и рога, похожие на рога оленя, также вырезанные из жести. Кругом по краю шапка была украшена разноцветными лоскутками, которые в виде узеньких ленточек свешивались вниз и закрывали лицо. Записывая это предание от сказительницы, В.Т. Кялундзюга не успела зафиксировать неизвестное ей старинное слово, означавшее „шаманская маска“. При подготовке нашего тома к печати уже никто из современных хорских стариков в с. Гвасюги не смог вспомнить это архаичное слово, хотя старики уверяют, что раньше такое слово было. Старики предложили вместо него описательные выражения: *ны дэгдини* „человеческое лицо“ (его мы вставили в удэгейский текст предания) или *самв дэгдини* „шаманское лицо“. Слово „хамбаба“, которым В.К. Арсеньев называет шаманскую маску, по мнению В.Т. Кялундзюги, имеет другое значение. Это образное слово. Так говорят при виде любого страшного лица, например в шрамах или в шаманской маске. Причём фонетическая структура „хамбаба“ (повторение конечного слога) типична именно для образных слов. О другом значении „хамбаба“ (шаманский дух, образ умершего в преклонном возрасте предка-колдуна, чьимместилищем является шаманская маска) см.: [44, с. 81]. Краткое описание шаманской маски см. в тексте 45, блок 1. Аналогичное описание даёт В.К. Арсеньев: „Шаманская маска (*хамбаба*) вырезается из дерева и покрывается спиральными рисунками, как татуировка.

Вокруг оторочена мехом медведя“. Маска имеет страшный вид, чтобы запугать „чёрта“» (рис. 3.) [5, с. 396].

«По-своему не менее замечательны в этом плане и характерные шаманские маски нанайских и удэгейских шаманов, вырезанные из дерева и раскрашенные, а также дополненные кусками меха на месте бороды. По данным В.Г. Ларькина, деревянная маска *камбала* использовалась только сильными шаманами, когда они отправлялись на поиски души покойного в *бун*. Прикрыв лицо маской, шаман беспрепятственно проникал в *бун* неопознанным. Если маска каким-либо образом падала с лица, то шаману уже невозможно было выбраться из *бун*, и он погибал. Удэгейские маски были оторочены медвежьим мехом, а лицевая сторона раскрашивалась спиральными узорами. Аналогичные маски были у нанайцев» [4, с. 166].

«В этнографическом собрании Хабаровского краеведческого музея имеются две такие деревянные маски. Общий вид их, в особенности же красочные, черные и красные спиральные узоры, вероятно, изображающие татуировку, почти полностью повторяет узоры и общий вид некоторых личин, выбитых на валунах в Сикачи-Аляне. Как известно, такие маски означают перевоплощение шамана в изображенное на них мифическое существо, в духа. Вполне естественно поэтому и совпадение сикачиалянских личин с деревянными масками шаманов» [3, с. 180].

Из приведённых выше описаний и уточнений можно сделать предположение, что похожие на татуировку элементы спирального

Рис. 3. Шаманские маски с элементами спирального узора, хранящиеся в коллекции Хабаровского краеведческого музея

орнамента, украшающего шаманские маски, как и сама маска, являются вместилищем шаманского духа или образа умершего в преклонном возрасте предка-колдуна либо духа умершего предка. Из этого следует, что семантика изображения спирали имеет долгую историю существования и относится к символике духов предков. К вышесказанному необходимо добавить, что элементы древнекитайского орнамента *сюаньвэнь*, в основе которого — элемент спирали, имеют точно такое же значение, как дух предка или «возвращающийся» (древнекитайское значение духа покойного предка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Березницкий С.В. Типология духовной культуры дальневосточных этносов. Биробиджан, 2004. 206 с.
2. Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.: Изд-во АН СССР, 1936. 220 с.
3. Окладников А.П. Лики древнего Амура. Петроглифы Сакачи-Аяна. Новосибирск, 1968. 238 с.
4. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973. 442 с.
5. Симонов М.Д., Кялундзюга В.Т., Хасанова М.М. Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, экэ. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. 561 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 18).

REFERENCES

1. Berezniatskiy S.V. *Tipologiya dukhovnoy kul'tury dal'nevostochnykh etnosov* [Typology of the Spiritual Culture of the Far Eastern Ethnic Groups]. Birobidzhan, 2004, 206 p. (In Russ.)
2. Zelenin D.K. *Kul't ongonov v Sibiri. Perezhitki totemizma v ideologii sibirskikh narodov* [The Ongon Cult in Siberia. Relics of Totemism in the Ideology of the Siberian Peoples]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, 220 p. (In Russ.)
3. Okladnikov A.P. *Liki drevnego Amura. Petroglify Sakachi-Alyana* [Faces of the Ancient Amur. Petroglyphs of Sakachi-Alyan]. Novosibirsk, 1968, 238 p. (In Russ.)
4. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. *Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya* [The Distant Past of Primorye and the Amur Region]. Vladivostok, 1973, 442 p. (In Russ.)
5. Simonov M.D., Kyalundzyuga V.T., Khasanova M.M. *Fol'klor udegeytssev: nimanuku, telungu, ekhe* [Folklore of the Udege: Nimanku, Telungu, Ekhe]. Novosibirsk, Nauka. Sib. predpriyatie RAN Publ., 1998, 561 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. T. 18 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 18]). (In Russ.)